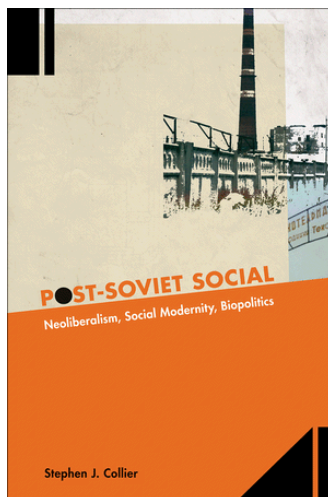

УДК 330.831.8

DOI: 10.17223/2312461X/16/11

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ МОДЕРН, ИЛИ ПОЧЕМУ «ТРАНЗИТ» ОТ СОВЕТСКОГО К ПОСТСОВЕТСКОМУ НЕ МОГ СОСТОЯТЬСЯ*

Stephen J. Collier. *Post-Soviet Social. Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton University Press, 2011. vii, 304 p.
ISBN 978-0-691-14831-1

Стивен Колье в книге «Постсоветская социальность. Неoliberalизм, современность, биополитика» оспаривает привычное понимание доктрины и практики неоллиберализма, которое заключается в отказе от государственного вмешательства в экономику и публичную сферу в пользу исключительно рыночных механизмов, а также пересмотре концепции «социального государства» в целом.

Он считает, что хорошим примером несостоятельности общего подхода является результат «неолиберальных реформ», «перехода к рынку» и планирования / регулирования социальной сферы и городской среды в постсоветской России. Но начинает он издалека и в первой части книги анализирует советскую парадигму градостроительства, зародившуюся как авангардистские архитектурные эксперименты 1920-х гг., но вылившуюся-

---

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта ««Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп», поддержанного Российским научным фондом (РНФ, грант № 15-18-00112).

ся, в конце концов, начиная с 1930-х, в масштабное государственное планирование и регулирование всей сферы жизнеобеспечения, здравоохранения и благосостояния населения, т.е. в такую, пользуясь понятием Мишеля Фуко, биополитику тотального планирования, которая стала ключевой характеристикой советского модерна. Во второй части книги анализируется постсоветское реформирование этой политики.

Колье настаивает на том, что он трактует неолиберализм широко: как форму критической рефлексии существующей практики управления, направленной на оживление принципов либерализма в новых условиях, когда укрепляющееся социальное государство стремится их окончательно задавить. Так, в отношении постсоветских переходных реформ Колье доказывает, что это был не бескомпромиссный переход к рынку с полным демонтажем советской социальной системы обеспечения благосостояния, а попытки частичного перепрограммирования государственного управления, которое не собиралось отказываться от социалистических норм.

Аналитический контекст работы – это концепция биополитики: управление здоровьем, благосостоянием и жизнеобеспечением населения в условиях конкретного политического суверенитета. Объектами анализа становятся два небольших индустриальных города в центре и на юге России – в Ивановской и Ростовской областях – как пример идеальных проектов небольших урбанизированных поселений начала советской эпохи, эпохи изобретения норм и форм советского социалистического модерна.

Особенностью советского проекта городского развития было не просто планирование общественного пространства, транспорта и зонирование, но детальное планирование всех элементов жизни города – городского хозяйства. Ключевой чертой этого подхода было подчинение размещения населения – расселения – задачам промышленного развития территорий.

По данным, содержащимся в докладе Всемирного банка за 2005 г., к концу советского периода около 60% городского населения СССР (около 60 млн человек) жило в городах численностью до 500 тыс. человек, а 30% – в городах численностью до 100 тыс. чел. Таким образом, советский проект освоения территории привел к созданию сети урбанизированных поселений, объединенных в той или иной степени централизованной системой жизнеобеспечения. Сразу же после крушения СССР встал вопрос о выживании этих городов, промышленные центры которых перестали быть эффективными уже в эпоху застоя, а после перестройки в большинстве своем прекратили работать.

Одним из следствий системы советского социалистического планирования было то, что, вопреки очевидности, экономические сдвиги не вызвали волны социальной мобильности: население оказалось как буд-

то приклеенным к местам проживания. *«Трубы, многоквартирные кварталы, радиаторы и бойлеры, потоки бытового газа, горячего отопления, топлива и рублей и привычки бюрократов, которые ничего не делали, но никуда не делись, – все это, как оказалось, держит и связывает людей вместе, – пишет Колье. – Промышленное сердце Белой Калитвы [город в Ростовской области] – алюминиевый комбинат – было разбито. Но рутинные системы поддержания повседневной жизни – элементы экономики жизнеобеспечения, городское хозяйство – каким-то образом выжили»* (р. 7).

Все эти материальные системы подключения населения к централизованной системе снабжения, а города – к национальным механизмам экономического регулирования, обеспечивали советский тип социалистического модерна – **инфраструктурного модерна**. Они стали видимыми, когда оказались как будто бы на грани разрушения. Переходные реформы призваны были буквально расцепить, децентрализовать эту систему с помощью механизмов маркетизации газообеспечения, коммерциализации системы энергоснабжения и отопления и повышения ответственности потребителей за рациональное и экономное потребление и контроль над обеспечением. Эти реформы, однако, потерпели крах именно по причине того, что децентрализовать, поставить счетчики и ограничения, организовать контроль оказалось невозможно из-за материальной громоздкости и тотальности систем жизнеобеспечения, сложившихся в советское время. Демонтировать их можно было только вместе с поселениями, и их демонтаж воспринимался как политическое посягательство на основные права населения. В итоге «неолиберальные» реформы свелись к точечному включению микроэкономического регулирования. То же самое с реформой межбюджетных отношений: новые формулы распределения ресурсов между богатыми и бедными регионами только переформулировали и тем самым легитимировали в новых условиях старые цели, задачи и принципы жизнеобеспечения.

Колье последовательно доказывает в своей книге, что опыт реформ в России демонстрирует ограниченность распространенной критики неолиберализма как доктрины, подводящей все под единый знаменатель «рынка», отвергающей солидарность и социальное государство. Неолиберализм, подвергшийся «акселерации», по выражению Бруно Латура, превратился в темную силу, которая объясняет все матрицы в истории. Многих аналитиков объединяет мнение, что за постсоветские трансформации ответственна неолиберальная экономическая идеология. Но на самом ли деле инфраструктурное регулирование и шоковая терапия – это исключительно неолиберальный проект, когда само слово «регулирование» изначально противно неолиберальной доктрине? И что это за вещь – неолиберализм?

Отвечая на этот вопрос, Колье обращается к работам ставших уже классиками политической экономии XX в. Джорджа Стиглера и Джеймса Буханана (Buchanan 1975; Stigler 1975). Они внесли значительный практический вклад в формирование нового либерального взгляда на такие базовые концепты, как социальный контракт, общественный интерес и равенство, применительно к критике социального государства в США. Начиная с 1970-х гг. их критика и обоснование реформ циркулировали по всему миру и в 90-е достигли России.

Одновременно Колье обращается к лекциям Мишеля Фуко 1978–1979 гг., в которых он обосновал свою концепцию биополитики (впоследствии биополитика уступила место концепции *governmentality*) (Foucault 2008). Фуко открыл либерализм как новую форму управляющего разума, который понимает индивидов и коллективы не как субъектов права (суверенность) или послушные дисциплинирующей власти тела, но как живых существ. Ключевой фигурой либеральной рефлексии у Фуко Колье считает население. Основываясь на этом, Колье предпринимает анализ успешного формирования биополитического управления и разных способов проблематизации биополитики (р. 16–17). Он стремится исследовать либерализм и неолиберализм не в качестве идеологий, гегемоний или управляющих рационализаций, но как формы критической рефлексии практики управления. Либеральные и неолиберальные мыслители не представляли системы управления, которая должна заменить прежнюю, они анализировали и перерабатывали существующие практики управления.

Биополитика в отношении России для Колье – это вопрос о том, как Советское и Российское государство управляло живыми людьми и как неолиберализм в России был конкретной формой критической рефлексии конкретных проблем социального государства, что и предопределило ход и результаты «неолиберальных реформ переходного периода».

Колье стремится выделить и обосновать различия между либеральным и советским вариантом **социального модерна**. Социалистическая биополитика, с точки зрения Колье, недостаточно изучена. Советский модерн отличается уже тем, с какими вопросами столкнулись советские планировщики в отличие от, например, французских физиократов или британских либералов. Самое главное царистское наследие в России заключалось в отсутствии индустриализации и урбанизации. «Недогорода» (Non-City) раннего капитализма в Европе и формирующиеся города в царской России XIX в. были устроены по-разному. Последние не стимулировали рост урбанизированного населения, как это делали города-рынки Европы, возникавшие вне феодальной территориальной юрисдикции и притягивавшие к себе огромные массы населения. В центры мануфакторного производства в России работники приходили из сел и потом уходили обратно.

Связка между индустриализацией и урбанизацией долго не работала в России, поэтому урбанизаторы в 1920–1930-е гг. в советской России решали не проблемы, возникшие в ходе урбанизации и индустриализации, а проблему отсутствия последних. Советская урбанизация была не спонтанным социальным и экономическим процессом вне государства, вне власти, но инициативой государства. Идеологи городского планирования считали, что удастся избежать ошибок ранней урбанизации в других странах, если государство полностью возьмет на себя программирование демографических, производственных процессов и процессов социального обеспечения населения.

В этой ситуации советские модернизаторы поставили перед собой в качестве главной цели не автономность экономики и общества, не ограничения на государственное вмешательство, а реорганизацию населения вокруг центров индустриального производства, устройство городов как механизмов удовлетворения нужд новых коллективов, организованных вокруг фабрик и заводов. Планируемое урегулирование отношений между населением и производством – это модель советского модерна. Все это сильно отличалось от либеральной модели, в которой экономика и публичное пространство автономны друг от друга и от государства, а законы социального пространства самостоятельны и должны быть уважаемы.

Колье склоняется к тому, что, с одной стороны, постсоветская Россия – это в прямом смысле этого слова постсоциальная Россия в понимании декларативного отхода на какое-то время от доктрины социального государства. Но, с другой стороны, время продемонстрировало поразительную устойчивость в постсоветское время социальных практик, материальных и бюрократических структур, демографических моделей и ценностей, произведенных социализмом. Вопрос Колье, который он ставит с опорой на Фуко: как советская социальность была репроблематизирована и тем самым сохранена в подходах к управлению в новой России?

Метод Колье близок акторно-сетевому подходу: рассматривать «рынок» и «общество» не как предзаданные сущности, но как объединения исчисляемых субъектов действия. Это думающие субъекты – не абстрактно мыслящие или зафиксированные в эпистеме, но занятые в практико-критической активности, посредством которой, как цитирует Колье Пола Рабиноу, «исторические конъюнктуры превращаются в концептуальные и практические проблемы» (Rabinow 2003: 47).

Колье признается, что его книга – не этнография с обширным цитированием разговоров в поле, поскольку этнография не позволяет ему ответить на вопросы, которые он перед собой поставил. Этнография была изобретена в отношении к специфической теории антропологического объекта – культуры или этнической группы. Для других типов

объектов в современной антропологии резонно спросить, насколько этнография как инструмент подходит для их исследования?

Таким образом, то, что чаще цитирует Колье, – это результаты экспертной рефлексии в прошлом и настоящем о прошлом, настоящем и будущем. В частности, дискуссии о городском строительстве в СССР, длившиеся начиная с 1920-х гг. и завершившиеся в 30-е гг. тем, что городское планирование не ограничилось традиционными сферами землепользования, городской инфраструктуры и публичных пространств, а превратилось в тотальное планирование городской жизни. Свою методологию в отношении российских реалий Колье описывает так: он рассматривает определенную политическую онтологию генеалогически, исследуя последовательные конфигурации институтов, техник, материальных элементов, форм рефлексий, модальностей вмешательства, посредством которых оформляется политическое управление в царской и раннесоветской России.

Например, он описывает ранние города-заводы в России как порождение петровского абсолютизма – они были подчинены военным нуждам и создавались на пустом месте независимо от прежних поселений. Человеческие тела встраивались, по Фуко, в процесс производства. 500 таких поселений было создано, начиная с конца XVII до середины XIX в. Это были феодальные институты, работающие на абсолютизм. Рабочие в них были крепостными. Параллельно, начиная с XVIII в., в России начали создаваться административные города и города на базе военных гарнизонов, главной задачей которых было обслуживание административных нужд. Основная масса населения в них работала на государство, обслуживала управление. То есть урбанистические реформы, начиная с самых ранних в России, были направлены не на усиление городской автономии, а на расширение «инфраструктурной власти» государства.

В середине XIX в. несколько кризисных факторов обусловили необходимость роста индивидуальной предпринимательской инициативы и изменения в планировании государственного бюджета и инфраструктуры. После Крымской войны, в 1857 г., российские железные дороги были переданы специальным указом в частные руки, что привело к развитию индустриальных регионов Баку, Донецка, Иваново–Кинешмы. Но уже после Русско-турецкой войны, к 1880 г., государство усилило контроль над строительством и развитием железных дорог. При слабости банковской системы – оно же бюджетное обеспечение строительства. С тех времен в России только укреплялась традиция превращения Министерства финансов в единственный пункт, через который проводятся все доходы и расходы государства. Министр путей сообщения и позже министр финансов С. Витте считал, что единственный способ выжить для монархии – это быстрый индустриальный рост.

Но Витте предполагал и значительную реорганизацию населения, особенно крестьянского. Однако парадоксально, что освобождение крестьян в 1861 г. не привело к высвобождению потоков рабочей силы, наоборот, сельская община создавала препятствия для выхода из нее, и по-прежнему рабочая сила для промышленного производства формировалась на базе отходничества, что не способствовало урбанизации. Накануне Первой мировой войны только 20% населения России было городским. Это уровень, которого США достигли уже к 1850 г., а в Великобритании к этому времени более 50% населения жило в городах. Таким образом, промышленный рост в России был слабо связан с урбанизацией.

После революции, в 1920-х гг. индустриализация в России обсуждалась в столкновении двух подходов: «генетического» и «телеологического». Генетическое планирование предполагало ограничение управленческого вмешательства бюджетными возможностями рыночной торговли или сельхозпроизводства, автономными от государства. Это вполне либеральная политическая онтология. Телеологическое планирование отвергало подобные ограничения. *«Телеологи "открывали" население, экономику и общество не как автономные области, но как поля, которые могут быть переоформлены государством путем тотального инструментального вмешательства»* (р. 39).

В рамках плана Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) впервые появилось понятие «сеть» в качестве внутренней структуры – инфраструктуры, лежащей в основе того, что прежде называлось публичной сферой или общественными работами и имело локальный, ограниченный характер. Впервые в национальные сети железные дороги и электричество были объединены в разных странах Европы во время Первой мировой, но после ее завершения государственный контроль над ними был раскритикован, и они были переданы в частные руки. В советской же России опыт Первой мировой был использован в совершенно новом качестве. План ГОЭЛРО привел к созданию управляющей структуры всей экономической активностью страны.

Формы планирования, которые использовали рабочие группы ГОЭЛРО, касались жизнеобеспечения. Ленин с гордостью писал: «Мы имеем точные расчеты спецов по всем основным вопросам. <...> Мы имеем – один маленький пример – расчет размеров производства кожи, обуви по две пары на душу (300 миллионов пар) и т.д.» (Ленин 1967: 341). ГОЭЛРО, превратившееся в Госплан и пятилетки, изменило образ мышления советских управленцев кардинально: они начали верить, что реальность куда более податлива для планирования, чем считалось прежде.

В начале 1920-х гг. генетический и телеологический подходы к планированию представлялись дополняющими друг друга, но после объявления в 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) курса на индустриализацию и

перехода к пятилетнему планированию после XV съезда в 1927 г. эти подходы стали взаимоисключающими. Советские планировщики отвергли позицию М. Вебера: индустрия должна аккумулироваться там, где есть достаточное пространственное скопление рабочей силы, где живут люди, а планирование строится на учете естественной демографической динамики. Для социалистических строителей это было неприемлемо: промышленное производство для них само по себе было на первом месте, оно было организующим принципом для расселения людей.

Колье характеризует проблему реализма в конфликтующих подходах к планированию: реализм может быть разным в зависимости от того, какой «тип реальности» имеется в виду и закладывается в планы. У генетиков был реализм соответствия планов внешним, автономным социальным и экономическим процессам, зависящим от прошлой динамики, реализм учета «объективных ограничений»; у телеологов – реализм внутренней связности аргументов и предположений в планировании, они бесконфликтно переносили ключевые термины оппонентов на свою почву, включая их в свою новую эпистемологию; например, понятие циклов, цикличности: из внешней динамики во внутреннюю, герметичную систему цифр. Госплан превратился в миниатюру государства.

Таким образом, Колье вскрывает политическую онтологию тотального планирования, характерную для советского управленческого разума. Биополитика телеологов предопределила возможность управления вещами в их непосредственной физической реальности. Общество как таковое не имело значения в системе тотального планирования. Дисциплина стала основной технологией биополитического управления. Первой проблемой советских урбанистов были «расселение» и «размещение» производительных сил. Второй проблемой было «хозяйство» – экономика жизнеобеспечения советского города – «материальное обеспечение человеческих потребностей».

Либерализм, особенно ранний, также был озабочен пространственным размещением населения и производства и их институциональной связью, удовлетворением нужд растущего городского населения. Но принципиальная разница с советской системой была в том, что советские планировщики никогда не признавали либерального отделения государства от общества. Город – не социальный организм, а конструкт, план, который нужно воплотить. Нормы в либерализме – статистическое отражение текущих феноменов (здоровье и болезнь, богатство и бедность) в населении. Нормы в советской системе – телеологические проекции, указания, прескрипции. Не то, что есть, а то, что нужно взять за правило.

Эти различия предопределили как советское, так и постсоветское развитие управленческой системы и особенностей реформ в России, чему посвящена вся вторая часть книги.

Почему книга Стивена Колье при всех оговорках остается антропологией и этнографией? Во-первых, потому что она имеет дело с микро-уровнем исследований при всей широте социального, географического и исторического контекста. Колье скрупулезно описывает и анализирует ситуации и процессы – реформы без ставшей общим местом «трансформации» образа жизни в двух конкретных городах, мало похожих на города в европейском смысле этого слова, а скорее, на сетевые сообщества, которые прежде складывались как будто вокруг центра индустриального производства, а теперь, в ситуации крушения последнего, обнаруживают свою бóльшую гомогенность с сетями центрального отопления, нежели с сетями социальной коммуникации. При этом он сопровождает это описание анализом процедур – логики и практики управления, например, столкновение реформ бюджетного процесса с теми нормами социального потребления, которые были вычислены еще в советское время и с тех пор мало менялись и тем более не подвергались критическому пересмотру.

Во-вторых, книга Колье вносит важную лепту в дискуссию о советскости и постсоветскости, подводя под нее своего рода социально-экономический базис. Колье объясняет, почему понятие «постсоветский транзит» оказалось несостоятельной концептуальной схемой для социальных процессов в России: разрыв с социализмом был декларативным, и демонтировать его нормативный скелет (потребительские расчеты и общественные ценности) оказалось не под силу реформам и «трансформациям». Анализ советской биополитики и неоллиберализма как двух различающихся в корне форм управленческой рефлексии позволил Колье пролить свет на новый контекст исследований советского и постсоветского, ресурсных отношений и социальных изменений.

Е.В. Миськова

Московский государственный университет

Литература

- Buchanan J.M.* The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan. Chicago: University of Chicago Press, 1975.
- Foucault M.* The Birth of Biopolitics: Lectures at the College De France, 1978–1979. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- Ленин В.И.* Об едином хозяйственном плане // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1967. Т. 42. С. 339–347.
- Rabinow P.* Anthropos Today: Reflections on Modern Equipment. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
- Stigler G.J.* The Citizen and the State: Essays on Regulation. Chicago: University of Chicago Press, 1975.

Рецензия поступила в редакцию 26 апреля 2017 г.

Miskova Elena V., Lomonosov Moscow State University (Russia)

SOCIALIST INFRASTRUCTURAL MODERNITY, OR WHY 'TRANSITION' FROM SOVIET TO POST-SOVIET WAS IMPOSSIBLE. Review of Stephen J. Collier. Post-Soviet Social. Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton University Press, 2011. vii, 304 p. ISBN 978-0-691-14831-1*

* The review is written under a research project, titled 'The resource curse in the circumpolar areas: Russian and international experience in the field of analysis and resolution of conflicts over non-renewable resources in areas traditionally inhabited by indigenous ethnic groups' (Russian Science Foundation, grant # 15-18-00112).

DOI: 10.17223/2312461X/16/11

References

- Buchanan, James M. *The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan*. Chicago: University of Chicago Press, 1975.
- Foucault, Michel. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the College De France, 1978-1979*. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- Lenin V.I. Ob edinom khoziaistvennom plane [On the comprehensive economic plan], V.I. Lenin. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 42* [A complete collection of writings. Vol. 42]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1967, pp. 339-347.
- Rabinow, Paul. *Anthropos Today: Reflections on Modern Equipment*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
- Stigler, George J. *The Citizen and the State: Essays on Regulation*. Chicago: University of Chicago Press, 1975.